

На правах рукописи

АЛЕКСЕЕВА АННА ПЕТРОВНА

**ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ РОССИЙСКОЙ
ИНАКОМЫСЛЯЩЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С ВЛАСТЬЮ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2010

Диссертация выполнена на кафедре Истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

- Научный руководитель* – кандидат исторических наук, доцент
Муромцева Людмила Петровна
- Официальные оппоненты* – доктор исторических наук, профессор
Зезина Мария Ростиславовна
кандидат исторических наук, доцент
Малышева Надежда Семеновна
- Ведущая организация* – Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова

Защита диссертации состоится «3» декабря 2010 года в 15 часов на заседании Диссертационного совета Д 501.001.98 по историческим наукам при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, ФГУ, ауд. А-619.

Эл. адрес: informcentr@spa.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор А, комната 114.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2010 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Н.Л. Головкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В драматических событиях российской истории второй половины XIX – XX вв. исключительно важную роль играла интеллигенция – тонкий образованный, культурный слой с присущими ему нравами и картиной мира. Взаимоотношения интеллигенции и власти на разных этапах развития нашей страны отличались высокой степенью конфликтности, что, наряду с попытками определить феномен российской интеллигенции в целом, всегда привлекало повышенное внимание исследователей. В известной мере эта конфликтность сохраняется и сегодня, что актуализирует задачу изучения ее истоков и эволюции.

Особенно остро противостояние власти и российской инакомыслящей интеллигенции проявилось в первые послереволюционные годы, результатом чего стала высылка части интеллигенции в 1922 г. Научный анализ данного конфликта особенно актуален в связи со сложным выбором приоритетов новой России в XXI в. Выбрать меру соотношения между духовной свободой личности, требованиями демократического общества и приоритетами государственного развития невозможно без знания истории взаимоотношений власти и интеллигенции.

С начала 90-х гг. XX в. Российское государство стало активно налаживать отношения с эмиграцией. Примирение между потомками эмигрантов и их «исторической родиной», органичная интеграция эмигрантского духовного наследия в современную российскую культуру невозможны без тщательного изучения обстоятельств, вынудивших эмигрировать многих видных деятелей отечественной культуры. Доступ к ранее закрытым архивным материалам, публикация новых документов, прекращение идеологического контроля над исторической наукой со стороны государства дают сегодня возможность более подробно изучить различные аспекты взаимоотношений власти и интеллигенции в первые послереволюционные годы.

В современной науке все большее значение приобретает междисциплинарный подход, предполагающий использование методов исследования

разных наук. Следовательно, историческое и философское понимание проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти может быть дополнено анализом с использованием инструментария, выработанного в политических науках, теорией политической культуры и политических конфликтов.

Объектом исследования является инакомыслящая интеллигенция первой четверти XX в., ее политико-идеологические воззрения и деятельность.

Предмет исследования – содержание, механизм и особенности развития постреволюционного конфликта «старой» интеллигенции и большевистской власти.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница определяется событиями октября 1917 г., в результате которых власть в России перешла к партии большевиков. Большая часть интеллигенции с энтузиазмом приветствовала Февральскую революцию 1917 г., но почти столь же единодушно не приняла установление власти большевиков, что и стало началом нового витка противостояния интеллигенции и власти в России. Верхняя хронологическая граница определяется событиями 1922 г., когда большевистское руководство пошло по пути решения конфликта силовым путем, выслав активных представителей инакомыслящей интеллигенции за пределы страны. В современной научной литературе отмечается, что данная акция большевистского руководства стала определенной точкой отсчета, с которой в XX в. начался раскол единой русской культуры. При рассмотрении некоторых сюжетов, непосредственно связанных с темой нашего исследования (идейно-политические искания русской интеллигенции, деятельность высланных из России интеллигентов в эмиграции), в ряде случаев осуществлялся выход за хронологические рамки.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма и научной объективности, которые предполагают изучение поставленной проблемы в развитии и в контексте общих исторических процессов,

анализ выявленных фактов во всей их совокупности и взаимосвязи. При исследовании идейно-политических взглядов инакомыслящей интеллигенции применялись системный и структурно-функциональный методы. Для раскрытия механизма взаимодействия интеллигенции и власти, причин существовавшего между ними противостояния использовался потенциал социально-психологического, компаративного методов. В процессе анализа документального материала автор обращался к проблемно-хронологическому методу.

Степень изученности проблемы. Изучение взаимоотношений советской власти и интеллигенции (считавшейся в советский период «прослойкой» общества) началось уже в 1920-е гг., однако работы того времени за редким исключением¹ носили публицистический, пропагандистский характер². Основные смысловые доминанты раннесоветских публикаций на эту тему – «мелкобуржуазность старой интеллигенции», ее «склонность к саботажу», «необходимость создания новой интеллигенции», противопоставление «новой» и «старой» интеллигенции». Данные доминанты были заданы уже в известной дискуссии 1923-1925 гг., в которой приняли участие видные деятели и идеологи большевистского режима Л. Троцкий, А. Луначарский, Н. Бухарин, Г. Зиновьев³. Именно в этом ключе (классовая трактовка социальной структуры общества, отрицательное отношение к дореволюционной интеллигенции, задача формирования новой интеллигенции, в первую очередь из числа рабочих) были выдержаны первые из появившихся в советской печати книг и статей по данной теме⁴.

В 1930-е – первой половине 1950-х гг. в связи с осуществлением в СССР «культурной революции» задача формирования «новой советской ин-

¹Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1922. № 1. С. 99-106.

² См., например, сборник: На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.

³Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссии 1923-1925 гг. Новосибирск, 1991.

⁴Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская литература. Харьков, 1923; Клейнбот Л.М. Очерки рабочей интеллигенции. П., 1923. Т. I: (1905-1917 гг.); Горев Б.И. Интеллигенция как экономическая категория // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923; и др.

теллигенции» приобрела особое значение. Однако этот период не принес принципиально новых трактовок в тематику и способы освещения проблемы: интеллигенция по-прежнему делилась на «старую» (в целом враждебную советской власти и, более того, по известному выражению И.В. Сталина «зараженную болезнью вредительства») и «новую» (советскую). В данном ключе, с позиций марксистско-ленинской идеологии и в соответствии с «руководящими указаниями» И.В. Сталина предпринимались попытки теоретического осмысления роли интеллигенции в общественном развитии России и в российской революции (работы А. Келлера, Б. Волина, И. Луппола и др.⁵). Многие публикации носили «просветительский» и откровенно пропагандистский характер⁶. Критерии и причины дифференциации российской интеллигенции по существу не рассматривались. Эти подходы сохранялись и в первое послевоенное десятилетие⁷.

1950-1970-е гг. отмечены появлением ряда монографических исследований, посвященных общим вопросам идеологической борьбы РКП(б) в первые годы советской власти⁸. Изучалась «борьба партии с буржуазной идеологией» в области науки, литературы и искусства, журналистики⁹. В 1980-е

⁵ Келлер А. Пролетарская революция и советская интеллигенция. М., 1934; Волин Б. Октябрьская революция и интеллигенция // Исторический журнал. 1938. № 11; Луппол И. Интеллигенция и революция // Новый мир. 1939. №3; и др.

⁶Воровский В.В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Соч. М., 1931. Т. 2; Калинин М.И. О задачах советской интеллигенции. М., 1939; Чернов Ф. Советская интеллигенция – интеллигенция нового типа // Под знаменем марксизма. 1938. № 1; Тандит Л. Партия Ленина-Сталина и социалистическая интеллигенция. М., 1939; и др.

⁷См.: Ковалев С.М. Интеллигенция в советском государстве. М., 1946; Процько М.А. О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1953.

⁸Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; его же. Октябрьская революция и интеллигенция. М., 1968; его же. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; Демидов Н.И. Из истории борьбы коммунистической партии за чистоту социалистической идеологии в период НЭПа (1921-1923 гг.). М., 1960; Голиков Д.И. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975; и др.

⁹Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). М., 1968; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров ученых-марксистов, 1917-1929 гг.). М., 1968; Лукин Ю.А. Ленин и теория социалистического искусства. М., 1973; Беляев А. Идеологическая борьба и литература. М., 1975; Ученова В.В. Центральные партийные органы печати «Коммунистическая революция» и

гг. на прежней идеологической основе, но с использованием более обширной источниковой базы работали В.Р. Лейкина-Свирская, А.В. Ушаков, Р.О. Карапетян, Л.Г. Березовская, О.Н. Знаменский, В.З. Дворкин и другие исследователи¹⁰.

В теоретико-методологическом отношении эти работы основывались на ленинском определении интеллигенции как «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда»¹¹; авторы стремились по мере возможности сочетать два по сути противоречивых требования к научной работе – объективность и партийность. Взаимоотношения интеллигенции с партией большевиков и советской властью по-прежнему понимались прямолинейно: власть проводила в целом правильную политику (отдельные ошибки и «перегибы» списывались на проникшие в партию чуждые ей элементы, прежде всего Л.Д. Троцкого); интеллигенция колебалась в своем отношении к новой власти, но в конечном итоге «здоровые элементы» делали свой выбор в пользу сотрудничества с ней. Вместе с тем политико-идеологическая дифференциация интеллигенции стала более сложной: ее начали разделять на «буржуазную» (часть деятелей науки, литературы и искусства, преподаватели высших учебных заведений, адвокаты и т.п.), «мелкобуржуазную» (инженеры, врачи, учителя гимназий и реальных училищ, начинающие литераторы, актеры и т.п.) и «демократическую» (студенчество, средний технический и медицинский персонал, народные учителя, мелкие служащие и пр.). Преобладало мнение, что буржуазная

«Большевик» (1921-1925 гг.). М., 1962; Максимов А.А. Советская журналистика 1920-х гг. М., 1964; Назаров А.И. Октябрь и книга. М., 1968.

¹⁰Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция 1900-1917 гг. М., 1981; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России в 1895-1904 гг. М., 1976; его же. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985; Карапетян Р.О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974; Березовская Л.Г. Партия большевиков и демократическая интеллигенция в России. М., 1983; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988; Дворкин В.З. Концепция интеллигенции в русской общественной мысли конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. В известной мере итоги данного этапа изучения русской интеллигенции и ее взаимоотношений с властью подвел сборник «Интеллигенция и революция, XX век» (М., 1985).

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1962. С. 39.

и мелкобуржуазная интеллигенция придерживалась умеренно-либеральных взглядов, а демократическая не имела четкой политической ориентации, но в силу своего малообеспеченного социального положения выступала в качестве потенциального союзника пролетариата. Такое деление выхолащивало общие черты, характеризующие интеллигенцию в целом. Кроме того, некоторые особенно неприятные (но важные) эпизоды взаимоотношений интеллигенции и власти большевиков замалчивались или освещались крайне однобоко (например, высылка 1922 г.). Вместе с тем в работах анализируемого периода содержится много ценной фактической информации, и с этой стороны они не утратили своего научного значения до настоящего времени.

Трагический опыт русской интеллигенции и ее взаимоотношений с властью в XX столетии привлекал пристальное внимание исследователей-эмигрантов (многих из них по происхождению и ментальности можно с полным основанием отнести к уцелевшим русским интеллигентам). Важное значение для осмысления феномена русской интеллигенции имели, в частности, статья Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции», впервые опубликованная в 1926 г., работы Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и ряда других мыслителей Русского зарубежья¹², которые поднимали важные проблемы, в том числе вопрос о причинах острого конфликта между интеллигенцией и властью в постреволюционной России.

Проблематика российской интеллигенции в послевоенный период (в условиях «холодной войны» и соперничества сверхдержав) вызывала обостренный интерес западных (в первую очередь американских) исследователей. Специально феномен российской интеллигенции исследовали Дж. Биллингтон и А. Поллард, много внимания ему уделял Р. Пайпс, который к тому же

¹² Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990; Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый град. Париж. 1938. № 13; Ильин И.А. О русской интеллигенции // Русский колокол. 1927. № 2; и др.

специально анализировал взаимоотношения между интеллигенцией и властью в России до революции и после нее¹³.

Следует отметить, что в отличие от советских исследователей (жестко «привязанных» к «единственно верному» марксистско-ленинскому учению) западные ученые имели возможность использовать различные теории интеллигенции и разный инструментарий, в том числе и из сферы политических наук. В частности, получили широкое распространение и признание элитистская (элитарная) теория¹⁴, согласно которой основная социальная функция интеллигенции – обслуживание и выражение интересов элиты; технократическая теория¹⁵, в рамках которой выделяются техническая и гуманитарная интеллигенция, причем первая осуществляет экономическое господство, а вторая обладает политической властью; учение Ж. Бенда¹⁶ о внеклассовости интеллигенции, ее постоянном стремлении отречься от всякого участия в политической жизни; взгляды Р. Арона¹⁷ на интеллигенцию как особую часть общества, путь которой – переход из маргинального состояния в структуру господствующих институтов (но не пролетарских структур); представления А. Геллы¹⁸ о критическом отношении к власти как главном признаке интеллигенции и стремлении власти уничтожить оппонентов.

¹³ Billington J.H. The intelligentsia and the religion of humanity // *The American Historical Review*. 1960. July. Vol. 65. № 4. P. 807-821; Billington J.H. *The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture*. N.Y., 1967 (в русском переводе: Биллингтон Д.Х. *Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры*. М., 2001); Pollard A.P. *The Russian intelligentsia: the mind of Russia* // *California Slavie Studies*. Berkley. Los Angeles, 1964. Vol. 3. P. 1-32; Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. М., 1993. На английском языке работа была впервые издана в 1974 г., конфликту интеллигенции и власти посвящена ч. 3; его же. *Русская революция*. М., 1994. Ч. 2. Гл. 4; его же. *Россия при большевиках*. М., 1997.

¹⁴ Нарта М. *Теория элит и политика*. М., 1978; Аптекер Г. *О сущности свободы*. М., 1961; Previt R. Stone A. *The Ruling Elite. Elite theory. Power and American Democracy*. New York, 1973.

¹⁵ Гэлбрейт Д. *Новое индустриальное общество*. М., 1969; Maunaud L. *Technocracy*. New York, 1968; Bell D. *The coming of the Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. London, 1974.

¹⁶ Бенда Ж. *Предательство интеллигенции*. Париж, 1927.

¹⁷ Aron R. *L'opium des intellectuals*. Paris, 1968.

¹⁸ Gella A. *The intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method and Case Study*. London, 1977.

При всей значительности зарубежных работ, посвященных российской интеллигенции, следует отметить и некоторые их недостатки. Позиция их авторов формировалась в условиях «холодной войны» и зачастую определялась изначально враждебным отношением к советскому строю и России как главному на тот момент геополитическому противнику Запада. Зарубежные исследователи плохо знали реалии постреволюционной России и не имели достаточного доступа в российские архивы (впрочем, в этом отношении советские исследователи ненамного от них отличались).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. историографическая ситуация в России резко изменилась. Во-первых, в научный оборот вошло множество новых документов, включая прежде закрытые архивные материалы (среди них документы Политбюро ЦК РКП(б), материалы Пражского архива, личные фонды эмигрантов, переписка руководителей большевистской партии и советской власти). Во-вторых, изучение темы освободилось от прежних жестко заданных властью идеологических установок. В-третьих, расширились рамки деятельности научного сообщества, изучающего данную проблематику¹⁹. В-четвертых, началась плодотворная интеграция достижений отечественных и зарубежных (эмигрантских и иностранных) исследователей интеллигенции в рамках единого научного пространства. В-пятых, значительно более разнообразной стала тематика исследований.

Все это позволило переосмыслить представления об интеллигенции и ее взаимоотношениях с советской властью, сложившиеся в советской (а отчасти и зарубежной) историографии. К тому же проблематика интеллигенции оказалась в фокусе научного внимания. Только в 1990-е гг. в России по ней были защищены 30 докторских и 104 кандидатских диссертации, состоялось

¹⁹Большую роль в координации исследований, выработке новых подходов к проблеме интеллигенции стали играть Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», Проблемный совет «Интеллигенция, культура, власть», созданные профессором В.С. Меметовым при кафедре истории и культуры России Ивановского государственного университета, и исследовательский Центр «XX век в судьбах интеллигенции», созданный на базе Уральского университета под руководством профессора М.Е. Главацкого.

более 50 крупных научных форумов, отраженных в соответствующих сборниках материалов, вышли в свет более 100 книг, а количество статей в периодике превысило возможности библиографического учета²⁰.

В этом масштабном корпусе научных изысканий можно выделить три уровня исследовательской деятельности. На первом, в рамках широких исторических и историософских обобщений, рассматриваются интеллигенция в целом, ее социальное происхождение, дефиниция понятия, дифференциация, социокультурная характеристика, «картина мира» интеллигента²¹. Авторы данных работ, как правило, уделяют внимание взаимоотношениям большевистской власти и интеллигенции, но этот сюжет для них вторичен. Работы второго уровня непосредственно посвящены взаимоотношениям государственной власти и интеллигенции, т.е. уже по проблематике, но глубже в рамках избранной темы²². Наконец, в работах третьего уровня внимание концентрируется на судьбах отдельных представителей российской интеллигенции²³ либо отдельных сюжетах, в первую очередь высылке 1922 г.²⁴

²⁰Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С.74.

²¹См.: Гидиринский В.И. Русская интеллигенция в истории России. Социокультурный аспект. М., 2007; Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998; Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества (Материалы XVII международной научно-теоретической конференции). Иваново, 2006; Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009; Соколов К.Б. Российская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб., 2007; Ширинянц А.А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М., 2002.

²²См.: Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть (феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти). М., 1993; Интеллигенция и власть. М., 1999; Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа, 1921-1927. Саратов, 1991; его же. Между белыми и красными: рус. интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006; его же. Российское государство и российская интеллигенция. Уфа, 2007; Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001; Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991.

²³Репрессированная интеллигенция. 1917-1934 гг. М., 2010.

²⁴Геллер М.С. «Первое предостережение» – удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990; Гак А.М., Масальская А.С., Селезнева И.Н. Депортация инакомыслящих в 1922 г. (Позиция В.И. Ленина). // Кентавр. 1993. №5; Главацкий М.Е. Философский пароход:

Вместе с тем, несмотря на огромные масштабы проделанной работы, и сегодня исследователи констатируют, что на глубинном уровне интеллигенция остается почти не изученной²⁵. Проблема, с нашей точки зрения, в том, что изучение интеллигенции и ее взаимоотношений с властью все еще чрезмерно социологизировано и политизировано. При этом изучение российской интеллигенции в советское и постсоветское время можно рассматривать как эволюцию от социологических схем к анализу *политической* позиции интеллигенции и ее противостояния власти. Но политический анализ сам по себе не может это противостояние объяснить (та же высылка интеллигенции 1922 г., к примеру, с точки зрения «политической целесообразности» представляется необъяснимой: высылаемые профессора в большинстве своем не принадлежали ни к какой политической партии, не являлись лидерами оппозиционного движения и т.п.)²⁶ Это было столкновение мировоззрений, столкновение различных политических культур, т.е. мировоззренческий и политико-культурный конфликт, но именно этот аспект обычно и ускользает от внимания исследователей.

Цель исследования – анализ постреволюционного конфликта российской инакомыслящей интеллигенции с властью.

Задачи исследования:

– определить предпосылки конфликта инакомыслящей интеллигенции и власти большевиков, показать роль культурно-ценностной составляющей в данном конфликте;

– раскрыть механизм развития конфликта интеллигенции и советской власти, проанализировать формы проявления конфликта;

Историографические этюды. Год 1922-й. Екатеринбург, 2002; Макаров В.Г., Христофоров В.С. «Философский пароход» // Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. М., 2009; Маторина И.И. К вопросу о подходах к изучению проблемы высылки интеллигенции из России в 1922 г. // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Материалы XI международной научно-практической конференции 20-22 сентября 2000 г. Иваново, 2000; и др.

²⁵ См.: Соколов К.Б. Российская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб., 2007. С. 6.

²⁶ На это обратил внимание целый ряд исследователей. См., например: Костиков В.В. Не будем проклипать изгнание... М., 1990.

– исследовать весь спектр инструментов и технологий нейтрализации влияния инакомыслящей интеллигенции в советской России (от политической пропаганды как средства дискредитации идеологических оппонентов власти до репрессий и высылки за границу).

Источниковая база исследования. Источники исследования включают обширный комплекс документов и могут быть разделены на пять групп. Первую группу составляют архивные источники – как неопубликованные, так и опубликованные. Что касается неопубликованных источников, то в научный оборот введены новые документы и материалы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального муниципального архива Москвы (ЦМАМ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Документы РГАСПИ содержат постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 1922 г. о цензуре, здесь же хранится записка Л.Д. Троцкого в Политбюро с предложением переориентации ряда изданий в «сторону объективно-информативного освещения событий», происходящих в стране²⁷. Материалы ЦМАМ включают переписку ГПУ с Правлением I-го Московского государственного университета в отношении профессоров, предназначенных к высылке²⁸. Документы из личных фондов эмигрантов и фондов эмигрантских учреждений и организаций, ныне хранящиеся в составе фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), раскрывают детали дальнейшей судьбы и общественной деятельности за рубежом ряда наиболее значимых имен среди высланной части российской интеллигенции (Н.А. Бердяева, С.П. Мельгунова, М.М. Новикова, А.А. Кизеветтера, М.А. Осоргина, П.А. Сорокина, С.Л. Франка и др.)²⁹

Среди опубликованных источников особого внимания заслуживают материалы секретного делопроизводства ВЧК-ГПУ по контролю над интел-

²⁷ РГАСПИ. Ф.5, Оп.1, Д. 1238, 1415; Ф. 17. Оп. 3. Д. 265, 280, 284.

²⁸ ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 4. Д. 2а

²⁹ ГАРФ. Ф. 602. Оп. 1; Ф. 5764. Оп. 1; Ф. Р-5837. Оп. 1,2; Ф. Р-5878. Оп. 1; Ф. Р-5899. Оп. 1; Ф. Р-5912. Оп. 1; Ф. Р-5965. Оп. 1; Ф. Р-6738. Оп. 2; Ф. Р-6767. Оп. 1; Ф. Р-9145. Оп. 1; и др.

лигенцией в годы Гражданской войны и по высылке интеллигенции в 1922 г., которые включают рапорты и докладные записки отделений ГПУ о ходе операции, списки арестованных и предназначенных к высылке, циркулярное письмо ГПУ «Об антисоветском движении среди интеллигенции» от 23 ноября 1922 г., ордера на арест предусмотренных к высылке интеллигентов, протоколы допросов арестованных, произведенные ГПУ и заключения по их следственным делам и пр.³⁰

Вторую группу источников составляют официальные (и опубликованные в исследуемый период) документы РКП(б)-ВКП(б) и советского правительства, касающиеся политики в отношении интеллигенции. Сюда относятся в первую очередь партийные документы, поскольку именно партия очень быстро превратилась в стержень и главную несущую конструкцию советской политической системы³¹. Данные документы, особенно в сопоставлении с секретными, но ныне опубликованными распоряжениями и постановлениями, помогают проследить все аспекты политики партии в отношении интеллигенции в первые послереволюционные годы. К ним вплотную примыкают

³⁰Макаров В.Г. Архивные тайны: интеллигенция и власть // Вопросы философии. 2002. №10. Данная публикация содержит подборку документов из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ) и УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923. / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. М., 2005; Христофоров В.С. «Философский пароход» Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. (из архива ФСБ РФ) // Новая и новейшая история. 2002. №5; Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999; 1922 г.: Высылка интеллигенции // <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/10>. В данную публикацию на сайте Международного фонда «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) включены ранее не публиковавшиеся документы о высылке из трех архивов: Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ; Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня и заседания (1919-1952 гг.). Сб. документов. М., 2001; Артизова А.Н. «Очистим Россию надолго» К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. №1.

³¹Вторая программа партии, принятая в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), резолюции X съезда РКП(б) (март 1921 г.) «Об организации курсов по изучению марксизма», «О пересмотре финансовой системы» и др., а также резолюция XII Всероссийской конференции РКП(б) (4-7 августа 1922 г.) «Об антисоветских партиях и течениях». См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2.

документы нормативно-правового характера, в которых партийные установки и решения получали соответствующее юридическое оформление³².

В третью группу источников вошли документы и материалы (стенограммы речей, личная переписка и др.) лидеров коммунистической партии и Советского государства. В работе использовался ряд работ В.И. Ленина, отражающих его отношение к интеллигенции³³, письма и докладные записки В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, А.В. Пешехонова, И.С. Уншлихта о политике в отношении интеллигенции³⁴. Использовались также письма С.Ф. Ольденбурга и Л.Д. Троцкого В.И. Ленину о бедственном положении интеллигенции в 1921 г. в связи с голодом³⁵.

Четвертую группу источников составили материалы периодической печати, а именно газет «Правда», «Известия» и журналов «Книга и революция», «Коммунистическая мысль» и других пробольшевистских изданий за 1918-1922 гг. По статьям, публикуемым в этих изданиях, можно судить о том, в каком русле формировалось общественное мнение об интеллигенции. Использовались и материалы сборника статей о русской интеллигенции «Вехи», вышедшего в 1909 году, а также периодических изданий, отражающих точку зрения инакомыслящей интеллигенции («Московский Еженедельник», «Русская мысль», «Запросы жизни» за 1909-1910 гг.; «Голос минувшего», «Литературные записки», «Мысль», «Право и жизнь», «Экономист» за 1922 г.). Анализ публикаций в этих изданиях дает возможность определить идей-

³² Конституция РСФСР 1918 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (где зафиксированы статьи о праве высылать из РСФСР за пропаганду и агитацию «в помощь международной буржуазии») и др.

³³ «Шаг вперед, два шага назад» (1904); «К партии» (1904); «О некоторых чертах современного распада» (1908); «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» (1917); «Очередные задачи Советской власти» (1918); «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» (1918); «О значении воинствующего материализма» (1922) и др. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4, 7, 8, 9, 14, 17, 35, 36, 37, 38, 44, 45.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53, 54. Ряд документов опубликован в: Латышев А.Г. Неизвестный Ленин. М., 1996; Христофоров В.С. «Философский пароход» Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. (из архива ФСБ РФ). // Новая и новейшая история. 2002. №5.

³⁵ Ревякина И., Селезнева И. Публикации документов. Четыре млрд. рублей ученым Петрограда // Вестник РАН. 1994. Т. 64. №12. Письма взяты из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

но-политические воззрения инакомыслящей интеллигенции начала 1920-х гг. и отчасти ее мировоззрение в целом.

Пятую группу источников (мемуарного характера) составили воспоминания Н.А. Бердяева, Е.Д. Кусковой, Н.О. Лосского, С.П. Мельгунова, М.А. Осоргина, В.А. Решиковой, В.В. Стратонова, П.А. Сорокина, Ф.А. Степуна и др.³⁶. Мемуарные источники помогают реализовать антропологический подход к изучению истории, в рамках которого изучается целостная система мировосприятия людей прошлого.

В целом источниковая база диссертационной работы, включающая как опубликованные, так и архивные источники, достаточна для всестороннего комплексного исследования взаимоотношений власти и инакомыслящей интеллигенции в первое постреволюционное пятилетие и обоснования выводов. Можно также отметить, что многочисленные публикации архивных источников в 1990-2000-е гг. далеко не всегда сопровождались научным анализом их содержания в контексте исторического процесса и в комплексе с другими источниками (известными еще в советский период). В данной работе все группы источников (опубликованные в советское время, в постсоветский период и не опубликованные до настоящего времени) рассматриваются в своей совокупности, взаимно дополняя друг друга.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

— на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных источников осуществлена типологизация основных теоретико-методологических подходов к исследованию постреволюционного конфлик-

³⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990; Кускова Е.Д. Месяц «соглашательства» // Воля России. 1928. № 3-5; Лосский Н.О. Воспоминания: жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. №11; Лосский Н.О. К изгнанию людей мысли // Ступени. 1992. №1; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Составление, примечания и подготовка текста Ю.Н. Емельянова. М., 2003; Осоргин М.А. Времена. Париж, 1955; Решикова В.А. Высылка из РСФСР // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1994. Вып. 11; Воспоминания В.В. Стратонова // Московский журнал. 1992. №9; Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография / Пер. с англ., общая редакция, предисловие и примечания А.В. Липского. М., 1992; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000; и др.

та российской инакомыслящей интеллигенции и власти; определены векторы несовпадения идейно-политических позиций власти и инакомыслящей интеллигенции; на этой основе выявлены причины конфликта двух мировоззренческих систем, представленных советской властью и «старой» интеллигенцией; проанализированы технологии нейтрализации влияния инакомыслящей интеллигенции в Советской России;

— конкретные результаты работы дополняют новыми фактическими данными наши представления об общественно-политических процессах в Советской России в начале 1920-х гг., в первую очередь об используемых властью способах и методах нейтрализации влияния инакомыслящей интеллигенции;

— в научный оборот введены новые источники, характеризующие взаимоотношения инакомыслящей интеллигенции и государственной власти после революционных событий 1917 г., в частности, переписка ГПУ с Правлением I Московского государственного университета относительно арестованных профессоров, анализ которой раскрывает реакцию Правления на арест преподавателей, механизм взаимодействия Правления и ГПУ.

Положения, выносимые на защиту:

— причины конфликта инакомыслящей интеллигенции и власти в постреволюционной России представляется возможным раскрыть лишь при помощи многоаспектного анализа, учитывающего всю совокупность характеристик противоборствующих сторон – не только политико-идеологических, но и культурно-мировоззренческих;

— характеристика политической культуры постреволюционной интеллигенции и ее сравнение с политической культурой большевистской власти проливают свет на глубинные противоречия, лежащие в основе конфликта двух мировоззренческих систем практически по всем актуальным проблемам развития российского государства и общества;

— в основе рассматриваемого конфликта лежали следующие связанные между собой причины: конфликт двух мировоззренческих систем; борьба

интеллигенции за свободу слова; формирование в массовом сознании единой марксистско-ленинской идеологии; борьба власти за укрепление своего политического авторитета; опасения власти относительно возможности возникновения новой политической силы;

— высылка интеллигенции 1922 г. должна анализироваться в контексте силовой политики большевиков по укреплению своих позиций в условиях падения авторитета власти при переходе к нэпу. Другими звеньями этой политики были разгром Всероссийского Комитета помощи голодающим (Помгола); репрессии против меньшевиков, эсеров, анархистов и всех других потенциально и реально оппозиционных политических групп; репрессии против Русской православной церкви и настойчивые усилия по разложению ее изнутри;

— понимание депортации части «старой» интеллигенции из России в 1922 г. как меры, предпринятой советской властью для разрешения *ценностного* конфликта с инакомыслящей интеллигенцией актуализирует задачу аксиологического подхода к изучению мировоззренческих систем большевиков и интеллигенции в первые годы после установления советской власти.

Практическая значимость исследования выражается в том, что результаты работы могут стать основой дальнейших теоретических и эмпирических исследований интеллигенции, а также использоваться в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин, в частности, при чтении лекционных курсов по отечественной истории, социологии политики, политической истории. Детализированная для исследуемого периода классификация элементов политической культуры российской интеллигенции может применяться для дальнейшего анализа данного феномена, выявления тенденций эволюции идейно-политических воззрений интеллигенции, в том числе и в настоящее время.

Апробация работы. Диссертация прошла апробацию на кафедре истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите. Основные поло-

жения и выводы исследования отражены в семи публикациях общим объемом около 2-х печатных листов. С материалами диссертации автор выступала на научных конференциях – «Ломоносов-2003», «Ломоносов-2006» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), «Отечественное философское наследие и современность. Володинские чтения» (Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснован выбор темы, ее актуальность, степень разработанности, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, охарактеризованы теоретико-методологическая и источниковая база научного исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе - «Предпосылки конфликта интеллигенции и власти», рассматриваются существующие определения понятия «интеллигенция»; анализируются идейно-политические взгляды интеллигенции первой четверти XX века и позиция большевистской власти в отношении разных групп интеллигенции.

В первом параграфе проанализированы важнейшие трактовки понятия «интеллигенция», предложена его авторская интерпретация, определены социально-политические функции интеллигенции.

Автор исходит из структурно-функционального подхода к определению понятия «интеллигенция» как духовно-интеллектуального авангарда общества, специализированно занимающегося творческим поиском и внедрением интеллектуальных, научно-технических, технологических (включая социальные и политические технологии), мировоззренческих и духовно-

нравственных новаций с целью позитивного разрешения актуальных социальных проблем и противоречий.

Структурно-функциональный подход позволяет дать более рациональное определение интеллигенции. В его рамках снимается сущностное противопоставление российской интеллигенции западным интеллектуалам, революционного крыла отечественного просвещенного класса его либерально-реформистскому и консервативно-охранительному путем отнесения всех отрядов интеллигенции к общей социально-функциональной идентичности. Другое дело, что направления этого поиска и представления о моделях оптимальных ответов различались до уровня антагонизмов.

В современном обществе все большую востребованность обретают социально-политические функции интеллигенции. С позиции интересов гражданского общества интеллигенция выполняет функции интеграции, идеологического оформления, представительства и рационально-правовой защиты притязаний на власть как отдельных общественных групп, так и общества в целом. Интеллигенция обеспечивает компетентный социальный мониторинг за намерениями и действиями власти, что является необходимым условием ее социальной ответственности. Реализуя в конкретном социальном и властно-политическом контексте свои социально-политические функции, интеллигенция затрагивает интересы властвующих элит и генерирует зависимость от себя властных структур. Таким образом, интеллигенция выступает активным субъектом политического процесса.

Во втором параграфе кратко рассмотрены общественно-политические взгляды авторов сборника «Вехи» и полемичных по отношению к нему публикаций. В своей совокупности, рассматриваемые в сборнике вопросы и полемика, развернувшаяся вокруг «Вех», раскрывают взгляды представителей различных идейных течений на интеллигенцию, вопросы политического и социального характера, а вместе с тем, показывают особенности политической культуры интеллигенции накануне революции. Далее рассматриваются векторы идейно-политического размежевания интеллигенции после Октябрь-

ской революции 1917 года. Социально-политические изменения придали новый импульс идейно-политическим исканиям, в котором «веховские» традиции понимания интеллигенции синтезировались с новым поиском вариантов общественного развития постреволюционной России.

В третьем параграфе анализируется оценка правящей партией разных групп интеллигенции и ее роли в государстве.

Интеллигенция занимала одно из центральных мест в культурной политике большевиков. Особенности взаимодействия интеллигенции с другими социальными группами предоставляли ей возможность препятствовать пропаганде большевистских идей. Важную роль при этом играла способность интеллигенции к формированию массового сознания и идеологии через культуру, СМИ и другие сферы общественной жизни. Для «старой» интеллигенции было характерно критическое осмысление «новой» советской действительности. Большевики же стремились создать новый тип интеллигенции, который отвечал бы интересам власти, мыслил бы в одном русле с ней.

Таким образом, в первые послереволюционные годы создаются предпосылки формирования политико-идеологического конфликта власти и интеллигенции. Факт пребывания Советской России в окружении капиталистических стран (воспринимавшихся большевистским руководством как постоянная и реальная угроза), снижение авторитета большевистской власти в массах обострили необходимость внедрения в массовое сознание марксистско-ленинской идеологии, которую не принимала основная часть «старой» интеллигенции. Вследствие этого развивается конфликт двух систем мировоззрения – «нового», основанного на безоговорочном следовании идеям марксизма-ленинизма, и «старого», объединяющего разные идейные течения. Его представители преимущественно были сторонниками либеральных, религиозно-философских, старовеховских идей. Они подчеркивали необходимость применения либеральных принципов к современным условиям жизни в России, особенно сильно ими отстаивались этика служения науке, творчеству; свобода слова, право на свободную мысль.

Во второй главе - «Эволюция и формы конфликта власти и интеллигенции в период Гражданской войны и при переходе к нэпу» характеризуются механизм и особенности политико-идеологического конфликта интеллигенции и власти.

В первом параграфе рассматриваются предмет конфликта, примеры латентной и открытой критики интеллигенцией политического, экономического и идеологического уклада страны. В работе дается характеристика общей среды конфликта, условий, в которых он зародился и развивался. С началом «красного террора» интеллигенция оказалась наиболее уязвимой и незащищенной группой общества. Но «красный террор» было бы неверно сводить к репрессиям прямого физического характера. Правильнее было бы говорить о становлении среды политико-идеологического конфликта между властью и интеллигенцией в период «военного коммунизма». Немаловажное место занимали факторы психологического порядка – страх за себя и своих близких, боль за свое дело, отчаяние при виде «разрушения основ цивилизации», психологическое отторжение всего того, что исходило от власти.

Результаты сравнительного анализа позиций постреволюционной инакомыслящей интеллигенции и советской власти, проведенного автором на основе элементов политической культуры «старой» интеллигенции, суммированы в виде таблицы. Эти результаты определяют политические ориентиры, по которым выявлено несовпадение позиций инакомыслящей интеллигенции и власти.

В период 1917-1921 гг. между советской властью и интеллигенцией наблюдается ситуация «сужения» конфликта. Одновременно те же годы принесли с собой более широкую вариативность отношений по линии «власть – интеллигенция», в том числе и вариативность, потенциально чреватую новыми проявлениями конфликтности. Иными словами, эти отношения дифференцируются, принимают новые формы, в которых прежнее жесткое идеологическое противостояние сменяется новыми линиями отношений сотрудничества, с одной стороны, и идеологического соперничества, – с другой. В

наиболее явной форме эти новые тенденции проявились в деятельности «Помгола» (Всероссийский Комитет помощи голодающим), в состав которого вошли 12 представителей власти и 61 представитель общественности.

Оппозиционность «старой» интеллигенции основывалась на неприятии идеи о том, что в период формирования нового государства главным условием его стабильности является моноидеологизация и централизация во всех сферах общественной жизни. Главный недостаток новой власти она видела в ущемлении свободы слова (как составляющей свободы творчества). В свою очередь, для советской власти представители «старой» интеллигенции являлись носителями чуждого мировоззрения и их требование свободы творчества воспринималось как контрреволюционная агитация.

Во втором параграфе рассматриваются факторы, повлиявшие на обострение отношений власти и интеллигенции.

Автор считает необходимым обратиться к различным аспектам категории «власть». Плодотворным в данном случае представляется подход британского исследователя Э. Хейвуда, различающего «две стороны власти» – «власть-силу» (power) и «власть-авторитет» (authority). Авторитет подразумевает под собой общественное признание возможности субъекта политики осуществлять власть. Признанием авторитета объект политики как бы сам наделяет его властью над собой, предоставляя неформальное право определять направление собственной политической активности. Субъект же политики (в данном случае советская власть) может воздействовать на объект без всякого принуждения, что позволяет успешно решать самые сложные социальные проблемы. Отталкиваясь от данного суждения, можно сделать вывод, что РКП(б) периода нэпа руководствовалась стремлением не только к сохранению своей власти в значении «силы», но и к всемерному укреплению своего политического авторитета в обществе (власти как авторитета). И если с введением нэпа власть большевиков (власть как сила) постепенно стабилизировалась, то тот же нэп с его относительным расширением свободы в обществе нес в себе угрозу именно политическому авторитету большевистского

руководства. Автор считает, что именно это объясняет многие акции партийно-государственного аппарата советской власти данного периода, включая и высылку интеллигенции 1922 г.

С определенного момента политический авторитет большевиков стал снижаться. Последовательный анализ событий, конфликтных ситуаций и акций ВЧК 1921–1922 гг. позволяет классифицировать политические и общественные силы, которые представляли угрозу политическому авторитету РКП(б): 1. Члены Комитета помощи голодающим (Помгола). 2. Члены бывших партий меньшевиков и эсеров. 3. Члены профессиональных обществ и союзов (врачей, инженеров, кооператоров и др.). 4. Отдельные представители профессуры и студенчества высших учебных заведений. 5. Частные издательства, образовавшиеся с началом нэпа, вокруг которых сгруппировались литераторы некоммунистической ориентации – члены бывших партий кадетов, меньшевиков, народных социалистов, а также внепартийные представители интеллигенции.

Рассмотренные выше общественные силы представляли угрозу авторитету власти, откуда напрямую вытекала угроза легитимности советской власти, то есть признания ее права на руководящую роль.

Итак, переход к нэпу вызвал у интеллигенции надежду на либерализацию общественной жизни, на своеобразный «политический нэп». Однако нэп не изменил существа власти. Ее основа – монополия легальности, которую следует понимать как политический и идеологический контроль над обществом той политической группы, которая стояла у власти, – осталась неизменной, что проявилось в стремлении подавить инакомыслие средствами политического нажима. При этом подавлялись не только реальные, но и потенциальные («латентные») противники, к числу которых относилась значительная часть инакомыслящей интеллигенции.

В третьей главе – «Политика большевиков в отношении инакомыслящей интеллигенции», рассматривается система мер советской власти

по осуществлению одностороннего разрешения конфликта с инакомыслящей интеллигенцией.

В первом параграфе анализируются приемы, использовавшиеся в советской печати с целью дискредитации интеллигенции в глазах общества.

Интеллигенция уже в первые годы советской власти приобретает особое значение в деле пропаганды и агитации, так как она может и умеет целенаправленно формировать массовое сознание и транслировать определенную идеологию. Часть интеллигенции поддерживает власть и этим создает ей идеологическую поддержку. Остальная часть не поддерживает власть активно или пассивно, тем самым становясь препятствием для пропагандистской работы, без которой невозможно существование государства. Сам образ интеллигента также играет важную роль: на нижних уровнях формирования идеологической системы (на уровне усвоения гражданами принципов идеологии) он позволяет распространить антиинтеллигентские настроения и тем самым снизить уровень воздействия интеллигенции на массовое сознание.

Антиинтеллигентская пропаганда отличалась разнообразием применяемых методов, что позволило большевикам в короткий срок создать определенные стереотипы и воздействовать на массовое сознание. Подавляющее большинство публикуемых материалов ставило целью создать негативный образ интеллигента. Формирование такого образа вело к его восприятию массовым читателем как внутреннего врага. В процессе формирования политического облика «старой» интеллигенции соединялось несколько направлений пропаганды: против буржуазии, против контрреволюции и против собственно интеллигенции.

Во втором параграфе анализируется технология подготовки и осуществления высылки группы представителей инакомыслящей интеллигенции из России в 1922 г.

Операция по высылке была направлена против идеологически наиболее активной части интеллигенции и, таким образом, по-своему отражала борьбу за власть (политический авторитет) в стране.

Главными свидетельствами вины кандидатов на высылку послужили их «крамольные» статьи и публикации. В конечном итоге к высылке были определены те, кто имел доступ к системе образования и средствам массовой информации. Лица, имеющие отношение к преподавательской деятельности, влияли на формирование мировоззрения молодежи. А те, кто был связан с журналистикой, формировали общественное мнение. Следовательно, они мешали установлению в государстве идеологии марксизма-ленинизма.

Отсутствие доказательной базы в обвинениях указывает на то, что вся операция носила «заранее продуманный» и «специальный» характер. Принципиально решения о депортации интеллигенции принимались на самом высоком партийном уровне, ГПУ было исполнителем этих решений. Важно, что ГПУ не сумело обнаружить реальных свидетельств «контрреволюционной деятельности» высылаемых. Вместе с тем в партийном и государственном руководстве того времени по вопросу об административной высылке неугодных советской власти элементов не было единодушия. Массовая высылка интеллигенции в 1922 г. (частично, в 1923 г.) осталась, по существу, уникальным эпизодом в истории СССР.

В третьем параграфе кратко описана дальнейшая судьба и общественная деятельность за рубежом ряда наиболее значимых имен среди высланной части российской интеллигенции.

Таким образом, политика большевиков в отношении инакомыслящей интеллигенции искусно сочетала силовые методы (репрессии) и пропагандистскую работу «в массах», нацеленную на дискредитацию интеллигенции в глазах населения и формирование негативных стереотипов. Обе эти составляющие следует рассматривать в неразрывном единстве, поскольку они дополняли друг друга.

В **заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы работы и намечаются перспективы дальнейшей разработки исследуемой проблематики.

В постреволюционной России возник и развивался конфликт двух систем мировоззрения – «нового», основанного на безоговорочном следовании идеям марксизма-ленинизма, и «старого», основанного на нравственной философии, этике служения творчеству, свободе слова.

РКП(б) стремилась через деятельность органов государственной власти сформировать моноидеологическое общество, основанное на марксистско-ленинском мировоззрении. Идеология большевизма должна была выполнить социально-интеграционную функцию, образовать политическую общность людей, служить ценностным ориентирам, мотивировать государственную политику. Политическая программа большевиков предполагала усиление идеологического контроля, унификацию сознания, и потому инакомыслящая интеллигенция как субъект политических отношений представляла опасность для новой политической системы.

В свою очередь, инакомыслящая интеллигенция, которая видела свою социальную задачу в формировании этого мировоззрения, являлась носителем иной философии, и хотя она смирилась с существованием советской власти, считала вправе критиковать ее действия.

Изгнание выдающихся представителей русской культуры и науки является трагическим эпизодом России XX века. За рубеж были высланы российские ученые, преподаватели вузов, литераторы, экономисты, историки, философы, журналисты, врачи – представители «старой» интеллигенции. В их числе оказались талантливейшие и ярчайшие личности той эпохи П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, А.А. Кизеветтер, М.А. Осоргин, М.М. Новиков и многие другие. Однако, с другой стороны, благодаря этой акции остались в живых выдающиеся ученые, которые внесли существенный вклад в развитие мировой науки, техники, искусства. Покинувшие родину профессора преподавали в русских учебных заведениях за рубежом, а также приглашались многими вузами Берлина, Парижа, Праги, Софии, Варшавы, Нью-Йорка и др. В культурных центрах российского зарубежья создавались различные союзы, организации, клубы научных и творче-

ских деятелей, союзы по профессиям (инженеров, врачей, юристов). Таким образом, русские ученые продолжили за рубежом плодотворную работу.

В современном мире радикально меняется роль и статус интеллигенции. Важнейшим фактором возрастания социально-политической роли интеллигенции при переходе к постиндустриальному информационному обществу является все более обостряющаяся общечеловеческая потребность давать быстрые, масштабные рациональные инновационные «ответы» на «вызовы» современности. Причем актуализация данной сверхзадачи наблюдается буквально во всех сферах жизни общества. Поэтому осмысление опыта взаимодействия власти и интеллигенции, актуальность использования интеллектуального капитала, накопленного на предшествующих этапах развития российского общества, имеют большое значение для современности. Однако интеллигенция сможет выполнить эту задачу, лишь обретя достаточную властно-политическую субъектность, т.е. способность эффективно влиять на локальные и глобальные политические процессы с позиций гуманистических, общечеловеческих ценностей и интересов.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях.

**Публикации в периодических научных изданиях, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией РФ:**

1. Алексеева А.П. Отношения Советской власти и инакомыслящей интеллигенции в начале 20-х годов // Преподавание истории в школе. 2010. №7. С. 70-72.
2. Алексеева А.П. Депортация интеллигенции в 1922 году: социологический ракурс // Социология власти. 2008. №5. С. 181-188.

Другие публикации:

3. Алексеева А.П. «Философский пароход» или изгнание русской интеллигенции в 1922 г. // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2003». История. М., 2003. С. 95-98.
4. Алексеева А.П. Технология высылки инакомыслящей интеллигенции в 1922 году // Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений: материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Смоленск, 24-25 ноября 2006 г. Смоленск, 2006. С. 133-136.
5. Алексеева А.П. Технология высылки инакомыслящей интеллигенции в 1922 году // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2006». История. М., 2006. С. 46-47.
6. Алексеева А.П. Конфликт власти и инакомыслящей интеллигенции в России в 1922 году // Право и политика. 2008. №8 (104). С. 2005-2011;
7. Алексеева А.П. От «прослойки» – «к классу». К интегральному пониманию «интеллигенции» // Отечественное философское наследие и современность: идеи, проблемы, люди: материалы Володинских чтений. М., 2009. С. 107-111.